

С. 138. См. также: *Иорданский Н.* Вопросы текущей жизни. Кризис интеллигенции // Современный мир. 1908. № 2. С. 85—90; *Череванин Н.* Движение интеллигенции (До эпохи «доверия» кн. Святополка-Мирского) // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. С. 261.

¹² *В.В. [Воронцов В. П.]* От семидесятых годов к девятисотым. С. 24.

¹³ *Каблиц И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 145.

¹⁴ См.: *В. В. [Воронцов В. П.]* Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 24; *Каблиц И.* Указ. соч. С. 106, 213; *NN [Оболенский Л. Е.]* Народ и интеллигенция // Мысль. 1881. № 4. С. 102.

¹⁵ *В. В. [Воронцов В. П.]* Народничество, как общественное направление, — его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 7. С. 1091.

¹⁶ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Стб. 566.

¹⁷ См.: *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 62.

¹⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 110.

¹⁹ *В. В. [Воронцов В. П.]* «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 167.

Е. Е. Топильская

ТРАДИЦИОННЫЙ КАДЕТСКИЙ ЖАРГОН: ПУТИ И СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ

Кадетский жаргон (КЖ) представляет особый интерес как явление неисследованное, что особенно заметно (хотя бы по отсутствию соответствующих публикаций) на фоне возросшего внимания к жаргонам в целом и армейскому жаргону в частности¹. Однако можно предположить, что, будучи явлением социально ограниченным, как и иные виды жаргонов, КЖ не лишен собственной ниши в системе русского национального языка и его диалектной подсистеме. При этом КЖ несет известные типологические общежаргонные черты². От иных же жаргонных подсистем его отличают в первую очередь фиксация в речи значительного числа носителей (кадет и их наставников) и регулярность в употреблении, а также стилистическая маркированность и экспрессивность. Принимая во внимание указанные критерии, следует подчеркнуть его особое место в системе русского национального языка.

Резкая специфика КЖ обусловлена действием двух типов факторов — собственно языковых и экстралингвистических. Во-первых, КЖ отличает хронологическая дискретность. Судьба насчи-

тывающих почти трехсотлетнюю историю российских кадетских корпусов в XX в. была драматична³. Распущенные в 1918 г. (и как следствие, КЖ утратил свою социальную базу), эти учебные заведения недолго просуществовали в 20-е гг. прошлого столетия в Европе и только почти через 70 лет (с начала 90-х гг.) усилиями энтузиастов стали стихийно возрождаться в обновляющемся отечестве.

Во-вторых, несмотря на утраченную социальную базу, источником традиционного КЖ может послужить письменная речь. Например, именно в мемуаристике нашла отражение (с известной долей погрешности на исчерпывающий характер) интересующая нас лексика. Особую ценность в этом плане обнаруживает послужившая источником фактического материала настоящего исследования «Книга для чтения по истории Российских кадетских корпусов (Военная быль: о Доблести, Добре и Красоте)» (Автор-составитель Е. П. Исаков. М., 2000. — 399 с.). Представляющая собой дар Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Сан-Франциско кадетам возрожденных и возрождающихся в России учреждений, она содержит ряд рассказов, увидевших свет на страницах кадетского журнала «Военная быль» (издавался в Париже до 1974 г.), и других воспоминаний, в том числе принадлежащих перу женщин (по понятным причинам в их текстах жаргонизмы не были зафиксированы).

В-третьих, двумя первыми отличительными особенностями обусловлена такая черта КЖ, как его функциональная амбивалентность. Она проявляется в социокультурной двойственности (традиционности и актуальности) прерывистой во времени жаргонной микросистемы. Поэтому и судить о специфике последней можно не только по записям речи юных кадет, но и по письменным источникам (мемуарам кадет-ветеранов, художественным произведениям бывших кадет или их гражданских друзей).

Указанная черта обусловила синтетический характер аспектов изучения КЖ и как явления актуального и нового, и как явления традиционного и известного в прошлом национального языка. В этой связи уместно сослаться на авторитетное мнение Ю. Н. Тынянова: «История системы есть в свою очередь система. Чистый синхронизм теперь оказывается иллюзией: каждая синхроническая система имеет свое прошлое и будущее как неотъемлемые структурные элементы системы...»⁴.

Изучение традиционного КЖ, имеющего письменную форму объективации, создает для исследователя ряд объяснимых трудностей. Основная из них состоит в идентификации жаргонных

лексем, не нашедших отражения в лексикографической практике XIX и начала прошлого века (традиционные жаргонные лексемы отсутствуют в авторитетном словаре бывшего кадета В. И. Даля). Поэтому насущной задачей изучения КЖ на начальном этапе сбора и обработки фактического материала является выяснение средств воплощения семантики жаргонизмов и указание на локальный характер последних в речи жаргононосителей и, как следствие, — в системе национального языка.

Анализ мемуарных текстов позволил выявить несколько основных путей указания на ограниченный кадетской средой характер употребления жаргонизмов и на особенности толкования их семантики. С точки зрения средств актуализации (указывают на социально обусловленный характер лексемы в речи кадет), можно разграничить несколько путей актуализации единиц КЖ.

Первый из них, семантико-контекстуальный (по сути своей декларативный), состоит в вербализации статуса жаргонизма за счет использования в близком контексте лексем с соответствующей «указательной» семантикой «называть», «у кадет» и др.:

Баклажка — кадет-подросток. — Все воины четвертого взвода были, собственно говоря, *подростками*. Мы их *прозвали баклажками*. Мы слегка посмеивались над *баклажками*. *Баклажки* не обижались (с. 235).

Эфиоп — дурак, болван. — Мы узнаем, что Аида — *эфиопка*. Это смешно. На нашем *кадетском языке эфиоп* — это *дурак, болван*. А это не подходит к героине оперы (с. 162). Ср.: У А. И. Куприна: «— Какого черта он держит до сих пор роту? *Эфиоп!*»⁵.

Пистолет — четкий исполнитель. — Отчетливый кадет — это тот, кто беспрекословно следует правилам воинской этики и выполняет требования воинских уставов так, что лучше выполнить и невозможно. Между собой *кадеты зовут таких своих товарищей, еще и «пистолетами»*.

Аналогичный путь актуализации жаргонизма обнаруживается в прозе Н. С. Лескова. Ср.: На кадетском языке того времени для занимавшихся таким недостойным делом, как пересказ чего-нибудь и вообще искательство перед начальством, было особенное выражение «подъезозчик»⁶.

Стать «на махалку» — караулить. — Как только часовой оставил дверь церкви без присмотра, два кадета стали *«на махалку»* следить за ним, а Писарский, Ипатов, Россин и Качалов прошмыгнули на черную лестницу (с. 221).

Второй, контекстуально-идентификационный, способ состоит в указании на ограниченный характер жаргонизма с использованием лексико-синтаксических средств:

а) в роли поясняющего приложения (за счет синонимии с параллельной номинацией):

Маркизова лужа — Финский залив. — Дальние плавания прекратились, ходили больше по Финскому заливу, по этой пресноводной «*Маркизовой луже*» (с. 30). Ср.: У Н. С. Лескова акцентирование контекстуальной семы «ненастоящность» по отношению к Финскому заливу Балтийского моря: «...буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас *Финский залив*, а тут настоящее Твердиземное море»^{6а}.

Штафирка — штатский. — Локтем ткнул *штафирку-гимназиста*, чтоб не смел смотреть запанибрата (с. 6);

б) в роли контекстуального синонима (в условиях дополнительной дистрибуции):

Шпак — гимназист. — А вот у *гимназистов* на фуражках значки серебряные. А у тебя простой, черно-желтенький. — У *шпак*ов фуражки со значками, у нас — с кокардами. Пора бы знать! — важно ответил кадет (с. 189). Ср. у А. И. Куприна: «Вот идешь ты где-нибудь в театре, или, положим, тебя в ресторане оскорбил какой-нибудь *шпак*... возьмем крайность — даст тебе какой-нибудь *штатский* пощечину»^{5а};

в) за счет однокоренной антонимии:

Нестроевой — худший. — В общем, мы думали, что теперь наша рота из «строевой» превратится в «*нестроевую*» (с. 119);

г) за счет повторяемости на фоне выраженной контекстуально-семантической близости в разных контекстах:

Цукать — наставлять, ругать, одергивать. — Я старался понять, что случилось с моим отцом. Он никогда не останавливался и не «*цукал*» даже зазевавшихся солдат (с. 107); А отец все-таки «*выцукал*», и здорово (с. 108); «Ерема» (наш ротный полковник Григорий Маркович Еременко) приказал нам выдать вне очереди чистые гимнастерки и мимоходом *цукнул*: «Чтоб вид, брат, был у тебя, брат, строевой» (с. 90); После обеда *цукаю* его (брата. — Е. Т.): «Ты что же это! Не мог попросить меня» (с. 112); Малыш-первоклассник, краснея, бледнея и заикаясь, громко и звонко говорит: «Дорогие товарищи из старших классов!.. Вы нас не обижали, не *цукали*, и мы... любим вас. Ура!» (с. 153). Ср. соответствующее словоупотребление в прозе М. А. Кузмина, имевшего братьев-юнкеров, т.е. бывших кадет: «Я обращаюсь с людьми или как со старшими, почтительно их слушаюсь, доверчиво и предусмотрительно, или как с младшими родственниками, несколько *цукая*, терроризируя и опекая»⁷.

Мальчик с вокзала — поступающий в юнкерское училище.

Дежурным по батарее оказался юнкер старшего корпуса Комаров, товарищ Вани по корпусу. Изводников отстал от него в VI классе. — С вокзала? — спросил, улыбнувшись, Комаров трубача, который привел новичков. Значит, ты теперь *«мальчик с вокзала»*? — Как видишь... (с. 298—299); К тому же, артиллерийские училища комплектуются, в основном, лучшими выпускными кадетами, и для *«молодых людей с вокзала»* остается не больше десятка мест (с. 284); Изводников вошел первым, со своим чемоданом.

— Вы что же, прямо *с вокзала*. — спросил офицер.

Ваня покраснел.

— Я бывший кадет, господин капитан!..

— Вы, милый мой, не так, верно, меня поняли. Вижу, что Вы с чемоданом, вот и спросил. Не обижайтесь, пожалуйста. Как ваша фамилия? (с. 299).

Третий, наиболее лаконичный, способ состоит в использовании кавычек как средства графической маркировки лексемы, осознающейся пишущим как необычной. Как правило, этот способ используется в сочетании с другими.

Сувенировать — оставить на память без спроса. — Завтрак закончился мороженым, к которому были поданы серебряные позолоченные ложечки с великокняжеской короной и вензелем покойного отца Великого Князя Константина Константиновича — генерал-адмирала Константина Николаевича. И вот по рядам пробежал сигнал — ложечки эти *«сувенировать»* (с. 85); Читая недавно «Военную быль», я узнал, что судьба сохранила сына покойного нашего Отца — Великого Князя, и решил вернуть *«сувенированную»* ложку ее законному хозяину (с. 86).

Самодрал — самовольная отлучка из корпуса. — Кадеты — народ любопытный, епископа никогда в глаза не видели, и потому на сей раз никаких *«самодралов»* со службы не было (с. 145).

Биток — пасхальное яйцо, предназначенное для битья. В младшей роте поймали кого-то с фальшивым *«битком»* — пустую скорлупу залил через дырочку воском. Моментально отобрали все нащелканные им яйца и вдобавок отщелкали его по лбу его же *«битком»* (с. 155).

Громкое поведение — провинность.

Тихие результаты — посредственные оценки. — В 1927 году меня «уважили просьбой» переселиться из Русского кадетского корпуса в Донской — иначе бы выперли за *«тихие результаты и громкое поведение»* (с. 297). Нависла над кадетом гроза — скажем, собираются его исключить за *«громкое поведение»*, а «батя» уже тут как тут (с. 144).

Четвертый, понятийно-контекстуальный, способ сводится к толкованию смысла жаргонизмов за счет широкого контекста, раскрывающего существенные черты казарменной кадетской жизни и быта. Данный способ носит, с одной стороны, выраженный классификационный, а с другой — дистанционный характер. Мотивация таких жаргонизмов достижима в том числе за счет проявления внутренней формы слова:

Уставшие — кадеты, рано ложающиеся спать в пасхальную ночь. — И тут выходящие из-за столов невольно делятся на три категории. *Уставшие*. Эти сразу ложатся спать, чтобы завтра у обедни не клевать носом. Они же потом гуляют по Москве, заходят в храмы, чтобы позвонить в колокол. Колокольни открыты для всех — звони, сколько душе угодно. Для воспитателей эти *уставшие* — самый желательный элемент (с. 155).

Катальщики — кадеты, катающие яйца на Пасху — *Катальщики*. Самая большая группа кадет. Они забирают из спальни одеяла, берут заранее изготовленный из древесной коры желоб и идут в Тронный зал катать (с. 155); Вокруг толпятся любопытные, громкими криками выражающие одобрение удачливым *катальщикам* (с. 157).

Брехуны — рассказчики кадетских и армейских *баек*. — *Брехуны*. Самая интересная группа. И самая бескорыстная. Врут бесплатно, исключительно для собственного удовольствия и развлечения таких же бесплатных слушателей. Своей веселой и безобидной брехней они создают атмосферу дружеского отдыха для души и сердца. Придя с розговен, они раздеваются, завертываются в одеяла и, усевшись в кружок на сдвинутых койках, начинают рассказывать о всевозможных приключениях, случившихся с ними или с их родственниками — бывшими кадетами (с. 157). Ср. у Н. С. Лескова понятийно-контекстуальное толкование жаргонизма *передача*: «А как бунтовщики стояли целый день не евши, то кадеты распорядились также их накормить, для чего построившись к ужину, сделали так называемую «передачу», то есть по всему фронту передали шепотом слова: «Пирогов не есть — раненым. Пирогов не есть — раненым»... Эта передача была прием обыкновенный, к которому всегда обращались, когда в корпусе были кадеты, арестованные в карцере и оставленные «на хлеб и на воду». Воспитанники корпуса позднейших выпусков говорят, что у них не было слова «передача», но я оставляю так, как мне сказано кадетом-старцем»; Все молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появлении не было, а так просто от чувства негодования ни у одного уста не открылись отвечать; И в одну минуту «передача» эта пробежала по

всему фронту, с быстротою электрической искры, и ни одна конфета не была съедена»^{6б}. За счет деривации жаргонизм *секун* толкуется в близком контексте лесковской прозы: «Секли ротные командиры, из которых большой охотник до этого дела был командир первой роты Ореус»; Совет состоял из директора Перского, баталионного командира полковника Шмидта (человек превосходной честности) и ротных командиров: Ореуса (*секуна*)...»^{6в}.

Безусловно, приведенными лексемами не исчерпывается состав традиционного КЖ. Последний также включает разговорные и общежаргонные лексемы (например, *школяры* — гимназисты, *ванька* — извозчик, *с налета* — очень быстро, *плавать* — не знать и ряд других). Но только собственно кадетские жаргонизмы, пути их введения в текст и способы толкования значений дают представление о специфике традиционного КЖ, насколько о нем возможно судить по мемуарным и литературным источникам двух последних столетий.

Особый пласт жаргонизмов в речи кадет составляют прозвища. Пути их введения соответствуют выявленным для нарицательных имен. Однако особого внимания заслуживает вопрос о путях мотивации этих имен собственных. Один из них состоит в обосновании прозвища на основе внешних черт:

Шоколадный мальчик. — По его (незнакомца. — *Е. Т.*) рассказу, Великий Князь Константин Константинович, увидев его (кадета-абиссинца. — *Е. Т.*) как-то в умывалке, прозвал «шоколадным мальчиком», и это прозвище сохранилось за ним до самого выпуска в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого он был вызван своим Императором на родину (с. 282).

Алеша Попович, Илья Муромец, Святогор. — В роте было четыре офицера-воспитателя, которые играли роль младших офицеров, хотя все были полковники: 1-го взвода — Бердяев (*Алеша Попович*), 2-го взвода — Лазарев-Станищев (*Илья Муромец*), 3-го взвода — Коваленко (без прозвания) и 4-го взвода — Серно-Соловьевич (*Святогор*). Прозвища — по внешнему виду (с. 122). Неоднословность приведенных прозвищ свидетельствует об игнорировании закона экономии речевых усилий, кроме последнего случая, по причине акцентирования внимания на положительной этической оценке, особенно в случае с принципиально необидным и даже лестным прозвищем чернокожего кадета-иноверца.

Ханака-до-полу, Ханака-до-потолка. — Тут же, портя весь ансамбль, выпирая своим жирным брюшком, подергивая черными усами, стоит ненавидимый всеми кадетами преподаватель математики Лазарь Дмитриевич Ханакадопуло. Ростом он не больше, чем под ранжир младшей роты, зато стоящая рядом его

жена могла бы быть правофланговой в нашей строевой роте. Когда он впервые ввел ее в зал на одном из корпусных вечеров, через пять минут Корпус облетели два прозвища: *Ханака-до-полу* и *Ханака-до-потолка* (с. 166). Средством приведения в действие механизма образования прозвища в данном случае послужила не только внешность, но и звуко-символизм подлинного имени.

Другой способ сводится к мотивации на основе чистого звуко-символизма по аналогии с фамилией:

Ерема. — «*Ерема*» (наш ротный полковник Григорий Маркович Еременко) приказал нам выдать вне очереди чистые гимнастерки... (с. 96).

Трубанек. — На другой день утром, когда я, сдавая экзамен по географии, стоял у географической карты, в класс вошел Великий Князь в сопровождении нашего «*Трубанька*» — ротного командира полковника Трубчанинова (с. 99); — «*Трубанек*» ваш мужчина серьезный... (с. 100).

Третий тип мотивации прозвища состоит в акцентировании внимания на морально-этической оценке личности, для чего используется даже сакрализованное имя, а также термины родства по мужской линии (в том числе с оттенком значения «ласкательность»):

Бог. — Нынешний начальник Константиновского артиллерийского училища полковник Василий Тимофеевич Чернявский, на юнкерском лексиконе «*Бог*», был в Михайловском командиром батареи, и Дима учился у него юнкером (с. 284); Он был прост в обращении, не знал страха перед сильными мира сего, имел чуткую душу и доброе сердце. В нем удивительно сочетались качества кабинетного ученого и строевого офицера, хозяйственного мужика и пронизательного педагога. Можно ли удивляться тому, что он получил от своих многочисленных питомцев имя «*Бог*» (с. 293). Применительно к последнему случаю способ введения прозвища, включающий высшую положительную морально-этическую оценку, сочетается с мифологической мотивацией прозвища на широком культурном фоне.

Артиллерийский дед. — Но давать училище полковнику, минуя генералов, — это было бы из ряда вон выходящим случаем, и Ванновский отдал вопрос на решение Великого Князя Михаила Николаевича, генерал-фельдцейхмейстера, или «*артиллерийского деда*» (с. 293).

Папаша. — Генерал Лавров, или «*Папаша*», уже давно стоял здесь, опираясь на свою палку, и с любопытством наблюдал за всеми манипуляциями кадета (с. 104).

Батя. — Нависла над кадетом гроза — скажем, собираются

его исключить за «громкое поведение», а «*батя*» уже тут как тут (с. 144); Шутка «*бати*» вызывала, конечно, смех... (с. 145); Из столовой «*батя*» идет со святой водой по всем другим помещениям, а кадеты садятся, и ... начинается (с. 155).

Интересно заметить, что прозвище *Бог* (упоминание всеу крайне нежелательно) носило светское лицо, а «домашнее» *батя* — корпусной священник.

Иной тип мотивации прозвища носит литературно-книжный характер, так как состоит в использовании иноязычного аналога:

Дядя Хэй. — Это наш добрейший *Дядя Хэй*, — предупредил Комаров. Объяснить, почему так прозвали офицера, он не мог. Прозвище перешло из Михайловского Артиллерийского училища. Говорили, будто в молодости капитан был похож на героя английского романа Джона Хэя. Решили перевести это имя на русский язык. Джон — получилось «*Дядя*», а *Хэй* перевести не сумели — не знали достаточно английского языка. Так и осталось — *Дядя Хэй* (с. 299). Данный способ прозвищной мотивации сводится к варваризации подлинного англоязычного имени.

Предпринятый анализ позволяет сделать вывод о выраженной положительной оценочности и принципиальной безобидности кадетских прозвищ для наставников. Имеющие разные мотивационные основания, они в подавляющем большинстве своем терминологичны по линии мужского родства, что объяснимо отчасти военным типом самих закрытых учебных заведений для мальчиков, а отчасти попыткой «одомашнить» вынужденный казенно-казарменный быт кадет (заметим: детей) в сфере непосредственного непринужденного общения.

Что касается особенностей введения кадетских прозвищ, то в отношении них действуют те же средства, которые способствуют идентификации нарицательных жаргонных лексем. Однако средства указания на ограниченный характер использования прозвищ часто совмещаются для одной лексемы (например, на прозвищный характер лексемы одновременно указывают кавычки, курсив и синтаксическая функция поясняющего приложения: «Генерал Лавров, или «*Панаша*»...»).

Различные пути актуализации жаргонных лексем и мотивации кадетских прозвищ позволяют сделать вывод о том, что в основных своих типологических чертах кадетский жаргон соответствует иным социально и профессионально ограниченным подсистемам. Однако в традиционной своей разновидности он носит книжно-письменный характер и, следовательно, является бесценным источником изучения русского национального языка и сохранения его традиций.

Указанное существенное обстоятельство позволяет обобщить и противопоставить несколько типов актуализации лексем КЖ:

1) *декларативный*, или семантико-контекстуальный, позволяющий судить о смысле жаргонизма за счет лексико-грамматических единиц в пределах высказывания (*шпак*, *эффиоп*, *баклажка*);

2) *заместительный*, или синонимический, вводящий жаргонизм за счет параллельного наименования (*Маркизова лужа*, *штафирка*);

3) *начертательный*, или графико-орфографический, способствующий идентификации жаргонизма за счет специальных знаков — кавычек или курсива («сувенировать», «Папаша», *установили*);

4) *панорамный*, или понятийно-текстовый, характеризующий важные понятия кадетской жизни и быта на протяжении целого текста (*катальщики*, *брехуны*);

5) *контаминационный*, состоящий в совмещении различных средств идентификации лексем КЖ за счет нагнетания в близком контексте (*Бог*, *артиллерийский дед* и ряд других).

Каждый из указанных способов по-разному характеризует тот или иной жаргонизм с точки зрения его широкой известности или сверхузкой локализации в кадетской среде определенного корпуса (последнее относится преимущественно к прозвищам.) Наряду с этим используемые в письменных источниках средства актуализации жаргонных лексем характеризуют кадета-мемуариста (в случае с курсивом, вероятно, редактора) как высококультурную языковую личность, не просто хорошо владеющую родным языком и сохранившую в памяти речевые приметы кадетского детства и юности, но и осознающую привнесенный характер неофициального наименования в текст воспоминаний.

¹ *Коровушкин В. П.* Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000; *Лазаревич С.* Аббревиация в русском и английском военных жаргонах // Свое и чужое в европейской культурной традиции. Н. Новгород, 2000; *Лихолитов П. В.* Так говорят пограничники // Русская речь. 1997. № 5; *Петров А. В.* Лексикографическое описание современного армейского жаргона // Экология культуры: жизнь языка. Архангельск, 2001.

² См.: *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987. С. 100—102.

³ См.: *Марков А. Л.* Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. М., 2001; *Меньшов В. М.* Российские кадеты. Мурманск, 2000.

⁴ *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 282.

⁵ *Куприн А. И.* Избр. соч. М., 1947. С. 144. ^{5а} С. 145.

⁶ *Лесков Н. С.* Избр. соч. М., 1946. С. 191. ^{6а} С. 215. ^{6б} С. 193, 195, 196. ^{6в} С. 192—194.

⁷ *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 102.